

УДК 81-11

Органистические метафоры в современном языкознании*

Скребцова Татьяна Георгиевна – федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет», кафедра математической лингвистики, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11,
тел.: +7 (921) 310-33-19.

Авторское резюме

Состояние вопроса: На протяжении двух столетий существования лингвистики как самостоятельной науки ученые прибегали к разнообразным метафорам, с тем чтобы осмыслять и описывать различные аспекты языка, связанные с его внутренним устройством и функционированием. Заметное место среди них занимают органистические метафоры, уподобляющие язык живому организму.

Цель: Исследование направлено на изучение использования органистических метафор в языкознании, начиная от периода его формирования как отдельной области знания в начале XIX века вплоть до наших дней. Большое внимание уделяется общенаучному контексту, в котором происходит обращение к метафоре языка-как-организма в тот или иной исторический период.

Результаты: Использование органистических метафор в дискурсе о языке не всегда концептуально обусловлено. Так, в работах ранних компаративистов биологические метафоры являются скорее данью риторике, нежели попыткой выявить связи между лингвистикой и биологией. Нечто подобное можно наблюдать и в современной публицистике, где нередко высказывается озабоченность по поводу активных изменений (прежде всего, массовых заимствований из английского), наблюдаемых в русском языке в последние десятилетия. Однако собственно в лингвистике широкое использование органистических метафор обычно обусловлено возрастанием роли биологии в соответствующий период. Так было в середине XIX века, когда под влиянием эволюционной теории Ч. Дарвина возникла концепция лингвистического натурализма А. Шлейхера, известная своими масштабными проекциями мира живой природы на область естественного языка. Острая борьба между сторонниками и противниками теории Дарвина на рубеже XIX и XX веков отразилась и на языкознании: ключевая идея Шлейхера о том, что языки могут только распадаться и расходиться, но не сближаться и не сходиться, была подвергнута критике.

Выводы: Современный всплеск органистических метафор в языкознании происходит на фоне важных достижений в биологии. Успехи в области

* © Т. Г. Скребцова, 2017.

расшифровки генома человека оживляют интерес к проблеме происхождения языка и вопросу о врожденности языковой способности. Антропный принцип диктует необходимость холистического подхода к анализу и описанию языка, что находит отражение в таких современных направлениях, как когнитивная лингвистика и эколингвистика. Мы являемся свидетелями новой эпохи сближения языкознания и биологии.

Ключевые слова: органистическая метафора; лингвистический натурализм; биоллингвистика; когнитивная лингвистика; эколингвистика; биологическая теория познания; проблема происхождения языка

Organistic Metaphors in Modern Linguistics

Skrebtsova Tatyana Georgievna – Saint Petersburg State University, Department of Mathematical Linguistics, Ph. D. (Philology), Associate Professor, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: t.skrebtsova@spbu.ru
11, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia,
tel.: +7 (921) 310-33-19.

Abstract

Background: Over the past two centuries, linguists have tried to account for different aspects of language structure and use by recourse to metaphor. Particularly conspicuous are organistic metaphors comparing languages to living things.

Aim: The study traces the use of organistic metaphors in discourse on language from the early days of linguistics as a discipline in its own right up to the present day. Attention is drawn to the overall intellectual climate stimulating metaphorical mappings from biology onto linguistics in different periods of time.

Results: The use of organistic metaphors in discourse on language does not necessarily have a conceptual background. Thus, in the early XIX century, comparative philologists tended to employ them as rhetorical devices, for pure ornamentation. Such usage was not intended to detect conceptual relations between the newly-born linguistics and biology. Something similar can be found in the present-day mass media when they are addressing changes that the Russian language has undergone over the past decades (in particular, numerous borrowings from English). Here, the language-as-organism metaphor is bound to be activated, but the analogy never reaches beneath the surface. However, the increasing use of organistic metaphors in linguistic discourse more often than not has been provoked by ground-breaking research in biology. This was the case with the impact of Charles Darwin's evolution theory on August Schleicher's views in the mid-nineteenth century. Schleicher became known as the father of the so-called linguistic naturalism. His whole theory rested on extensive parallels between the domain of living things and that of natural languages. At the turn of the 20th century, a bitter struggle between advocates and critics of Darwin's theory (the so-called eclipse of Darwinism) had a major effect on linguistics. Schleicher's key idea of divergence as the only way of the language evolution was challenged. Scholars argued for the mixed nature of

languages and put forward an idea of language convergence, quite opposite to what Schleicher espoused.

Conclusion: The present-day boom of organistic metaphors in linguistics also seems to have been triggered by recent biological achievements. Progress in sequencing human genome brings to light an old problem of the origin of language and spurs the discussion about the innateness of human ability for language acquisition. The anthropic principle dictates the need for a holistic approach to the study of language, undertaken by modern cognitive linguistics and ecolinguistics. We are currently witnessing a new era of rapprochement between linguistics and biology.

Keywords: organistic metaphor; linguistic naturalism; biolinguistics; cognitive linguistics; biology of cognition; origin of language.

Крупнейший американский лингвист Э. Сепир почти сто лет назад писал, что языкознание принадлежит к числу самых сложных и одновременно самых фундаментальных наук [см.: 9, с. 263]. Этот факт обуславливает его связи с широким кругом других дисциплин. В разные периоды своего развития языкознание сближалось с историей, психологией, эстетикой, логикой и т. д. За исключением, пожалуй, лишь структуралистов, сознательно стремившихся оградить лингвистику от посторонних влияний и исследовать язык «в самом себе и для себя» [12, с. 232], ученые всегда осознавали, что изучение такого сложного объекта, каким является естественный язык, неизбежно выходит за рамки их дисциплины и требует привлечения сведений из других наук. Наиболее прозорливые из них еще в начале XX века предсказывали, что эта тенденция с годами будет нарастать [см., напр.: 2, с. 18; 5, с. 17; 9], и их прогнозы сбылись: достаточно вспомнить большое число возникших в 1960–1970-е гг. пограничных с языкознанием областей исследования (психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и пр.).

Однако это «умножение сущностей», как кажется, только заостряет вопрос, сформулированный Г. Паулем [см.: 7, с. 25–31] в конце XIX века и впоследствии акцентированный Э. Сепиром [см.: 9], а именно: является ли лингвистика естественной или гуманитарной наукой? Можно в этой связи вспомнить также патетическое высказывание Г. Шухардта: «За языкознание, подобно тому как в средневековой легенде за душу человеческую вели борьбу дьявол и ангелы, боролись, как известно, науки о природе и науки о духе (или исторические науки)» [13, с. 71]. (Остается неясным, впрочем, какие науки, по мнению Шухардта, представляют силы добра, а какие – силы зла.) Едва ли поставленный вопрос может быть решен однозначно: в истории языкознания можно найти суждения в поддержку как той, так и другой позиции. Нас в этой связи интересует сближение лингвистики с естественными дисциплинами и в частности с биологией.

Считается, что первым из языковедов, кто провел параллели между этими областями знания, был А. Шлейхер, хотя еще у Я. Гримма можно встретить сравнение языка с природным организмом [см.: 3, с. 60–61]. Но то, что у Гримма было фигурой речи, у Шлейхера – основателя так называемого

«лингвистического натурализма» – стало результатом осознанной и последовательной проекции основных положений теории Ч. Дарвина на язык. Показательно название одной из его книг: «Теория Дарвина в применении к науке о языке» (1863).

Уподобляя язык естественному, или природному, организму (*Naturorganismus*), Шлейхер проводил параллели между тремя структурными типами языков и тремя царствами природы, именовал языковую историю «жизнью языка» и рассматривал ее в терминах родословного древа. Применяя понятие организма к описанию истории индоевропейских языков и их генетической классификации, ученый утверждал, что развитие языков, как и развитие растительного и животного мира, идет только одним способом: языковые группы и отдельные языки могут многократно дробиться, отдельные ветви могут «отсыхать», но ни при каких условиях языки не могут скрещиваться между собой.

Позднее, на рубеже XIX и XX веков, популярными стали противоположные идеи о гибридизации, смешении языков, распространенных в смежных ареалах, причем обсуждение темы «дивергенция vs. конвергенция» активно продолжалось и далее, в период между мировыми войнами. Анализируя тогдашние воззрения русских представителей Пражского лингвистического кружка – Р. О. Якобсона и Н. С. Трубецкого – по данному вопросу, П. Серио [см.: 10] показывает, что дискуссии в языкознании шли на фоне острой борьбы сторонников и противников дарвиновской теории в биологии. И Якобсон, и Трубецкой отрицали концепцию Шлейхера и в том числе случайный характер языковых изменений, имеющих, по их мнению, лишь причину (борьба за существование, естественный отбор), но не цель. В то же время, как утверждает Серио, в своих рассуждениях они тоже опирались на биологическую метафору, хотя и явно антидарвиновскую: «...отнюдь не проводя аналогии между объектами исследования, как это делал Шлейхер, для которого языки *суть* живые организмы, Якобсон проводит аналогию между исследовательскими методами: эволюцию языков можно исследовать *подобно* тому, как исследуется эволюция живых организмов» [10, с. 328].

В наши дни вопрос о происхождении биологических видов остается спорным, позволяя сосуществовать неodarвиновским и антидарвиновским концепциям. Это имеет очевидные последствия для проблемы происхождения языка – отнюдь не новой, но сформулированной по-новому современной биолингвистикой. Является ли наша языковая способность следствием генетических изменений (ср. открытие «отвечающего за речь» гена FOXP2 у людей и шимпанзе) или результатом длительной эволюционной адаптации? Существуют ли у человека специальные нейронные механизмы, предназначенные для обработки языка, или имеющиеся у современных приматов модули на каком-то этапе эволюции были приспособлены для новой задачи и иного типа данных?

Гипотезе врожденности, полстолетия назад выдвинутой Н. Хомским, противостоят эволюционные теории происхождения языка, которые, как правило, исходят из традиционного представления о формировании вербальной

коммуникации на основе невербальной – жестовой. Впрочем, спектр эволюционных теорий достаточно широк. Например, видный американский лингвист Т. Гивон исходит из того, что сущность человеческого языка постижима исключительно в контексте его эволюции [см.: 16, с. 123], и отстаивает функционально-адаптивную точку зрения на проблему происхождения языка. С его точки зрения, нейронные цепи, обеспечивающие обработку языка, первоначально развились на основе различных компонентов системы обработки визуальных данных. Автор намечает возможный путь формирования естественного языка, подкрепляя свои выводы имеющимися в науке данными об архитектуре человеческого мозга, исследованиями в области детской речи, усвоения иностранного языка, коммуникации в животном мире [см.: 16, с. 123–161].

Последние десятилетия ознаменовались серьезными успехами молекулярной биологии в области расшифровки генома человека. Любопытно, что при решении этой задачи ученые опирались на типологические аналогии со структурой естественного языка: лучшие на сегодняшний день технологии аннотации генома используют формальные грамматики и статистические модели, основанные на параллелях между последовательностями ДНК и человеческим языком. Однако определение молекулярных структур само по себе не обеспечивает понимание того, каким образом гены взаимодействуют и сотрудничают между собой в ходе развития организма. Вновь используя аналогию с языком, можно сказать, что на сегодняшний день ученые знают алфавит генетического кода, но не имеют понятия о его синтаксисе.

В связи с этим все чаще звучат призывы отбросить механистические модели и делать акцент не на структуре, но на организации живых организмов, описание которой не сводимо к описанию их составных частей. Так, широкую известность получила биологическая теория познания (авторы – чилийские ученые У. Матурана и Ф. Варела), базирующаяся на принципе холизма: «Живая организация должна быть понята как единство» и «...хотя наблюдатель может расчленить живую систему на части, которые он сам определяет, *описание* этих частей не является репрезентацией живой системы и не может быть ею» [6, с. 96; 130]. (Отметим, что и в современном языкознании идеология модулярности заметно сдает позиции под натиском эмпирических данных, свидетельствующих в пользу холистической организации языковой способности.)

В основу своей концепции Матурана и Варела положили идею автопоэзиса (греч. *auto* – ‘сам’ и *poiesis* – ‘создание, производство’), согласно которой человеческое познание детерминируется биологией. «Жизнь длится как процесс познания. Мир не существует до познания как готовый набор сущностей, расположенных для познания. Мир творится в процессе его узнавания-проживания самой автопоэзной системой. Действительность конструируется наблюдателем. Конструктор опыта запрятан в наблюдающем теле. Биология наблюдателя вырезает слой действительности из бесконечного разнообразия непознаваемой реальности: реальность, согласная с биологией наблюдателя, им познается; реальность, не нашедшая опор в биологии

наблюдателя, для него не существует. Наблюдающее тело – автопозная система, способная познавать, – живет в мире, созданном ею самой по лекалам, заготовленным ее биологией» [1, с. 89].

Применительно к языку особенно важным является следующий тезис: «Все сказанное сказано наблюдателем. Речь наблюдателя обращена к другому наблюдателю, в качестве которого может выступать он сам» [6, с. 97]. Отсюда следует, что язык не существует отдельно от его носителя и не может изучаться в отрыве от человека как живой системы. Впрочем, во второй половине XX века лингвистика подошла к этому выводу вполне самостоятельно. Распространенная в наши дни «широкая концепция семантики» [4, с. 13–16] исходит из того, что лингвистические исследования должны принимать во внимание особенности человеческого восприятия, его фоновые знания и опыт, характер физической и социальной среды.

В частности, эту позицию последовательно отстаивает когнитивная лингвистика, формирование которой обусловлено как ходом развития зарубежного языкознания в XX веке, так и становлением когнитивной науки, или когнитологии [подробнее см.: 11, с. 8–22]. Сторонники данного направления своим главным лозунгом провозглашают связь языка и когниции и заявляют, что лингвистику следует сближать не с логикой и математикой (как это практикуется в генеративной грамматике и других формальных теориях языка), а с биологией. По мнению видного представителя когнитивной лингвистики Р. Лангакера, «биология дает более адекватную метафору для лингвистических исследований, чем формальные дисциплины», и в целом «было бы более правильно уподоблять язык живому организму» [22, с. 4].

При такой установке кардинальным образом меняются сами принципы построения теории языка. В новой системе ценностей отстаивается холистический подход к интерпретации языковой способности и процессов восприятия и порождения текстов, подчеркивается органическая связь языка с психической организацией человека, выдвигается тезис о «воплощенности» мышления, которая проявляется, в том числе, в языковых механизмах образности [см.: 17; 18; 19]. Язык рассматривается в качестве важного источника сведений о ментальной «инфраструктуре» человека, окна в его *mind* [15, с. 102]. Лингвистический анализ не ограничивается описанием языковых структур, но претендует на создание единой модели, объясняющей, как устроено языковое знание человека и как он его использует в повседневной речевой деятельности.

Примером подобной модели может служить когнитивная грамматика Р. Лангакера. Центральным принципам генеративной теории (экономия, порождаемость, редуционизм) автор противопоставляет собственный взгляд, согласно которому языковая система представляет собой обширный и в значительной степени избыточный массив единиц, не поддающийся алгоритмическому исчислению. При этом под «единицей» понимается некая в совершенстве освоенная структура – «когнитивный шаблон» (*cognitive routine*), которым говорящий может оперировать как единым целым, не задумываясь о его композиционных особенностях. Единицы могут быть сколь угодно

сложными, а степень их регулярности варьирует в широком диапазоне от весьма общих до частных и даже единичных случаев. Ведь язык, как подчеркивает Лангакер, не является абсолютно логичной, экономной, сбалансированной системой – подобно живому организму, в нем есть место нерегулярности, непоследовательности, избыточности. Основной пафос когнитивной грамматики – построение психологически достоверной теории, «органически» (по выражению автора) вырастающей на прочном фундаменте языковых фактов [см.: 21].

Современное продолжение метафоры языка-организма можно видеть и в другой сравнительно новой области знания – эколингвистике. Ее основателем считается американский лингвист Э. Хауген, хотя следует заметить, что еще в 1912 г. его знаменитый соотечественник Э. Сепир опубликовал статью под характерным названием «Язык и окружающая среда» (“Language and Environment”). Более чем полстолетия спустя (в августе 1970 г.), на конгрессе, посвященном описанию языков мира, Хауген выступил с докладом «Об экологии языков» (“On the Ecology of Languages”). Именно с этим событием связывают введение в научный оборот соответствующего понятия. Сам автор определял экологию языка как исследование взаимодействий между любым данным языком и его окружающей средой, в качестве которой выступает общество, использующее этот язык как один из своих кодов. Очерчивая границы новой области исследований, Хауген обозначил ее связи с другими дисциплинами, прежде всего лингвистической антропологией, социалингвистикой и социологией языка, психолингвистикой, лингвистической типологией, диалектологией.

Согласно Хаугену, язык формируется в результате взаимодействия людей, живущих в определенной окружающей среде. В своем докладе ученый выступал против попыток рассмотрения структурных типов языков и их генеалогического родства без учета внешнего контекста их существования. Основной пафос его доклада и последующих работ связан с неравными условиями, в которых находятся разные языки, и необходимостью сохранения языкового многообразия; отсюда – внимание к вопросам языковой политики и планирования.

На первый взгляд может показаться, что налицо прямые параллели между областями лингвистики и биологии. Между тем, исследователь «эколингвистического» наследия Хаугена утверждает, что автор был далек от лингвистического натурализма [см.: 23, с. 158]. И действительно, если взять, например, понятие окружающей среды у Хаугена, то оно имеет мало общего с понятием географической территории или экологического ареала. Автор включил в него два аспекта – психологический (взаимодействие языка с другими языками в сознании билингов и плюролингов) и социологический – взаимодействие языка с обществом, в котором он функционирует как средство коммуникации [см.: 14, с. 325].

Современные последователи американского ученого, помимо предложенного им термина *экология языка*, употребляют также выражения *эколингвистика*, *экологическая лингвистика*, *языковая экология*, причем не во

вполне тождественном смысле. Биологические метафоры в наши дни стали более многочисленными, так что можно говорить о широкомасштабном отображении понятийной области экологии на область социолингвистики [см.: 20]. К выражениям *живой язык* и *мертвый язык* в последние десятилетия добавилось понятие *языков, находящихся в опасности* (*endangered languages*), – по аналогии с исчезающими биологическими видами. Это так называемые *языки-жертвы*, которые под давлением более сильных и агрессивных соперников (*языков-хищников*) *вымирают*, т. е. утрачивают востребованность у следующих поколений. Если Шлейхер в свое время апеллировал к дарвиновским законам *борьбы за выживание* и *естественного отбора*, то последователи Хаугена широко пользуются понятийным арсеналом экологии, говоря об *экосистемах*, *экологических нишах*, *экологическом разнообразии* и *равновесии*, *устойчивом развитии* и пр. – все это применительно к языкам мира.

В более широкой перспективе, можно предположить, что своим закреплением в современном языкознании органистическая метафора обязана введению в науку в 1970-е гг. антропного принципа и – как следствие – вниманию к «человеческому фактору» в языке [о разных направлениях соответствующих исследований см.: 8].

Что же касается частого сравнения языка с живым организмом в отечественной публицистике, оно имеет совсем иной источник, а именно озабоченность широкой публики по поводу изменений, которые происходят в русском языке на протяжении последних десятилетий под влиянием серьезных преобразований в общественной жизни. Чаще всего речь идет о массовых заимствованиях из английского языка, из-за которых *язык болеет*, *деградирует*, *умирает*, *его надо спасать* и т. п. (все примеры здесь и далее собраны по материалам СМИ).

Широко представлена и альтернативная точка зрения, согласно которой языковые изменения являются нормальным явлением. Аргументация здесь также построена на использовании органистической метафоры: *язык живет*, *пульсирует*, *растет*, *мутирует*, *развивается по своим законам*. Периоды *интенсивного развития* чередуются у него с периодами *стабильности*. У каждого языка – *своя воля и судьба*, *своя плоть*, *свое дыхание*. В нем все время *что-то зарождается*, *что-то отмирает*, что-то новое привносится извне (оно *может прижиться или не прижиться*). Легко заметить, что та же метафора «языка-как-организма» используется здесь для обоснования неизбежности языковых изменений, а также для выражения уверенности в устойчивости языковой системы, ее способности дифференцировать целесообразные и нецелесообразные новации. Как бы то ни было, использование органистической метафоры в публицистике является привычной фигурой речи и не предполагает выявления глубинных аналогий между живой природой и естественным языком.

Список литературы

1. Аретаков А. А. Концепт сознания в онтологическом каркасе антропного принципа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2007. – № 2. – С. 86–92.
2. Бодуэн де Куртене И. А. Языкознание, или лингвистика, XIX века // Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М.: Издательство АН СССР, 1963. – С. 3–18.
3. Гримм Я. О происхождении языка (Извлечения) // История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. 3-е изд. – Т. 1. – М.: Просвещение, 1964. – С. 57–68.
4. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. 2-е изд. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 352 с.
5. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 1999. – 206 с.
6. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1995. – С. 95–142.
7. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – 500 с.
8. Постовалова В. И. Наука о языке в свете идеала цельного знания // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 342–420.
9. Сепир Э. Статус лингвистики как науки // Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – С. 259–265.
10. Серию П. Лингвистика и биология. У истоков структурализма: биологическая дискуссия в России // Язык и наука конца XX века. – М.: РГГУ, 1995. – С. 321–341.
11. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
12. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 1999. – 432 с.
13. Шухардт Г. Изучение фонетических изменений // Избранные статьи по языкознанию. – М.: Издательство иностранной литературы, 1950. – С. 56–72.
14. Haugen E. The Ecology of Language: Essays. – Stanford: Stanford University Press, 1972. – 366 p.
15. Fauconnier G. Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999. – pp. 95–127.
16. Givón T. Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. – 383 p.
17. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 272 p.
18. Johnson M. Philosophical Implications of Cognitive Semantics // Cognitive Linguistics. – 1992. – Vol. 3, № 4. – pp. 345–366.
19. Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind. – Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 614 p.

20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.

21. Langacker R. W. *A Usage-Based Model* // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia, 1988. – pp. 127–161.

22. Langacker R. W. *An Overview of Cognitive Grammar* // *Topics in Cognitive Linguistics*. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1988. – pp. 3–48.

23. Lechevrel N. *L'écologie du langage d'Einar Haugen* // *Histoire. Épistémologie. Langage*. – 2010. – Tome XXXII, fascicule 2. – pp. 151–166.

References

1. Aredakov A. A. The Concept of Mind in the Ontological Framework of the Anthropic Principle [Kontsept soznaniya v ontologicheskom karkase antropnogo printsipa]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* (Russian Higher Education Bulletin. Volga Region. The Humanities). 2007, № 2, pp. 86–92.

2. Baudouin de Courtenay I. A. *The XIX Century Linguistics* [Yazykoznanie, ili lingvistika, XIX veka]. *Izbrannye trudy po obschemu yazykoznaniyu. T. 2* (Selected Papers in General Linguistics. Vol. 2). Moscow, Izdatelstvo AN SSSR, 1963, pp. 3–18.

3. Grimm J. *On the Origin of Language (Excerpts)* [O proiskhozhdenii yazyka (Iz vlecheniya)]. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i iz vlecheniyakh. 3-e izd. T. 1* (The History of Linguistics in XIX–XX Centuries in Overviews and Excerpts. 3-rd ed. Vol. 1). Moscow, Prosveschenie, 1964, pp. 57–68.

4. Kobozeva I. M. *Linguistic Semantics* [Lingvisticheskaya semantika]. Moscow, Editorial URSS, 2004, 352 p.

5. Malinowski B. *A Scientific Theory of Culture* [Nauchnaya teoriya kultury]. Moscow, OGI, 1999, 206 p.

6. Maturana U. *Biology of Cognition* [Biologiya poznaniya]. *Yazyk i intellekt* (Language and Intellect). Moscow, Progress, 1995, pp. 95–142.

7. Paul H. *Principles of the History of Language* [Printsipy istorii yazyka]. Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1960, 500 p.

8. Postovalova V. I. *Linguistics in the Light of the Holistic Knowledge Ideal* [Nauka o yazyke v svete ideala tsel'nogo znaniya]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* (Language and Science in the Late XX Century). Moscow, RGGU, 1995, pp. 342–420.

9. Sapir E. *The Status of Linguistics as a Science* [Status lingvistiki kak nauki]. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* (Selected Papers in Linguistics and Cultural Studies). Moscow, Progress, 1993, pp. 259–265.

10. Sériot P. *Linguistics and Biology. At the Source of Structuralism: A Biological Discussion in Russia* [Lingvistika i biologiya. U istokov strukturalizma: biologicheskaya diskussiya v Rossii]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* (Language and Science in the Late XX Century). Moscow, RGGU, 1995, pp. 321–341.

11. Skrebtsova T. G. Cognitive Linguistics: A Course of Lectures [*Kognitivnaya lingvistika: Kurs lektsiy*]. St. Petersburg, Filologicheskiy fakultet SPbGU, 2011, 256 p.

12. Saussure F. de. A Course in General Linguistics [*Kurs obschey lingvistiki*]. Ekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 1999, 432 p.

13. Schuchardt H. A Study of Phonetic Change [*Izuchenie foneticheskikh izmeneniy*]. *Izbrannye stati po yazykoznaniiyu* (Selected Papers in Linguistics). Moscow, Izdatelstvo inostrannoy literatury, 1950, pp. 56–72.

14. Haugen E. *The Ecology of Language: Essays*. Stanford, Stanford University Press, 1972, 366 p.

15. Fauconnier G. Methods and Generalizations. *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 1999, pp. 95–127.

16. Givón T. *Bio-Linguistics: The Santa Barbara Lectures*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 2002, 383 p.

17. Johnson M. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason*. Chicago, University of Chicago Press, 1987, 272 p.

18. Johnson M. Philosophical Implications of Cognitive Semantics. *Cognitive Linguistics*, 1992, Vol. 3, № 4, pp. 345–366.

19. Lakoff G. *Women, Fire, and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago, University of Chicago Press, 1987, 614 p.

20. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1980, 256 p.

21. Langacker R. W. A Usage-Based Model. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, 1988, pp. 127–161.

22. Langacker R. W. An Overview of Cognitive Grammar. *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, 1988, pp. 3–48.

23. Lechevrel N. L'écologie du langage d'Einar Haugen. *Histoire. Épistémologie. Langage*, 2010, Tome XXXII, fascicule 2, pp. 151–166.